

В. С. Аксенов

К вопросу интерпретации разрушенных скелетов в катакомбных захоронениях салтово-маяцкой культуры

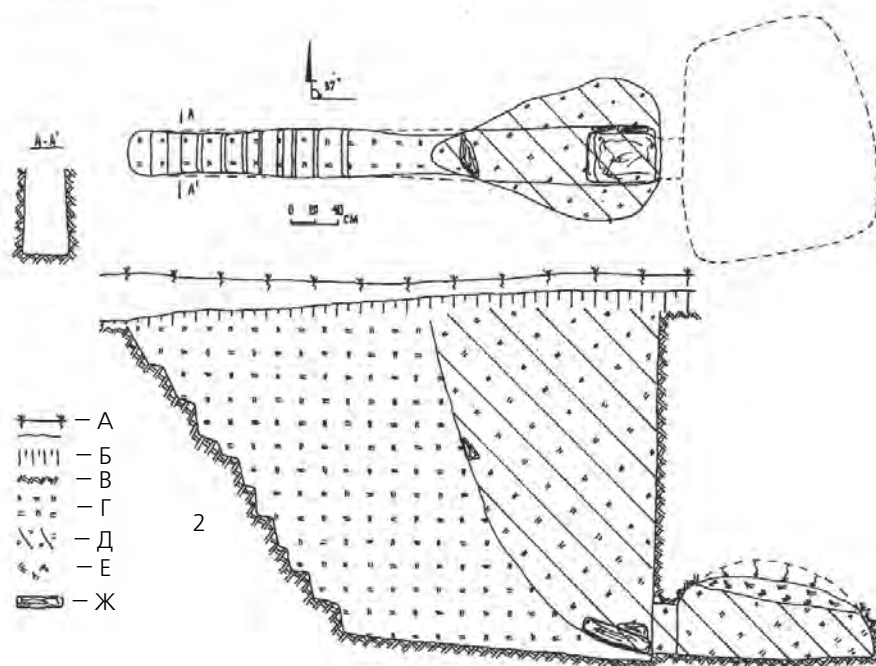
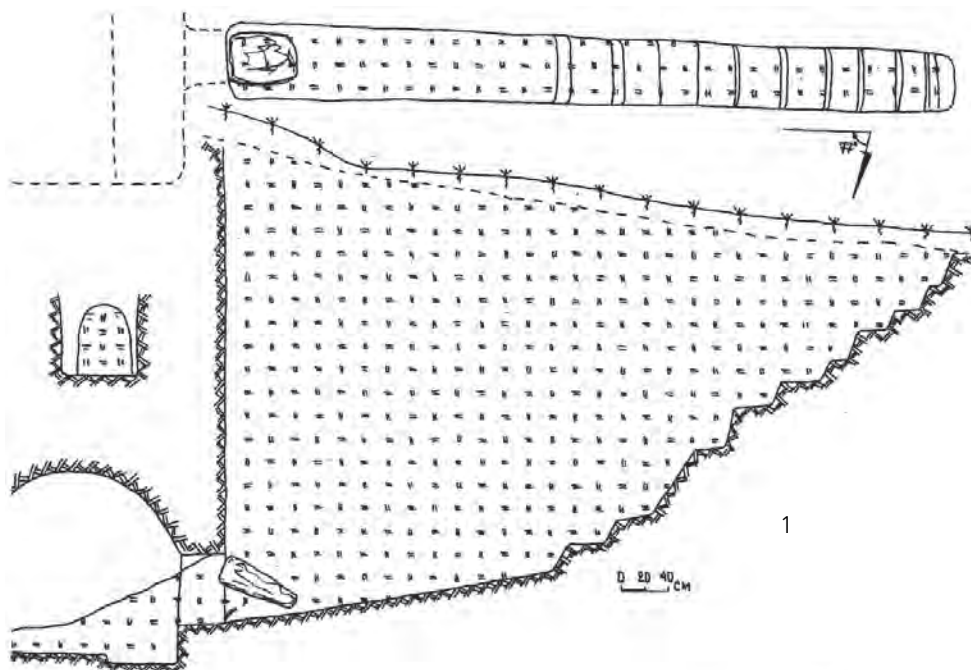

Поводом для написания работы послужил цикл статей Г. Е. Афанасьева [1, с. 63–64; 2, с. 113–126], в которых ставится под сомнение гипотеза В. С. Флерова о существовании у аланского населения Подонцовья обряда обезвреживания погребенных [3; 4]. Г. Е. Афанасьев, проанализировав материалы Маяцкого могильника, приходит к выводу, что проникновения в катакомбы осуществлялись с целью ограбления (изъятия металлоемких предметов) [1, с. 64; 2, с. 124]. Более осторожен в своих выводах А. А. Лаптев, который рассматривал материалы Верхне-Салтовского IV могильника [5, с. 47–53]. Комплекс аргументов, представленных данными исследователями позволяет развернуть дискуссию, которая даст возможность приблизиться к объяснению присутствия на салтовских катакомбных могильниках захоронений с разрушенными человеческими костяками. В целом же позиция выше упомянутых исследователей сводится к тому, что мотивация повторного проникновения в салтовские катакомбные захоронения могла быть разной — подзахоронение, ограбление, осквернение, «ритуальное вскрытие», вторичный обряд погребения и т. д. [2, с. 114]. С этим нельзя не согласиться, ибо первоначально нужно определить время, когда было осуществлено повторное проникновение в захоронение, и потом, исходя из этого, попытаться определить — кто и зачем проникал в погребальную камеру. И делать это необходимо для каждого конкретно взятого случая. Для начала необходимо обратиться к захоронениям, интерпретация которых не вызывает сомнения. В качестве примера возьмем катакомбу № 76 и 96, исследованные на Верхне-Салтовском IV могильнике.

Катакомба № 96 имела дромос, ориентированный по склону оврага вдоль линии восток-запад с незначительным отклонением к северу (Аз. 77°). Пятно дромоса имело форму узкого прямоугольника размером 6,2 × 0,5 м — 0,65 м. Заполнение дромоса однородное (материковая глина с незначительным количеством чернозема). Дно дромоса комбинированное. В его начальной части было обнаружено девять ступенек, от последней из них дно наклонно (под углом 8°) спускалось к входу в погребальную камеру (рис. 1: 1). Здесь глубина дромоса составляла 4,4 м от современной поверхности.

Вход в погребальную камеру закрывала каменная плита. Верхний край заклада¹ упирался в верх забитого грунтом входа в камеру. Грунт, заполнявший вход в камеру, был идентичен заполнению дромоса. Под камнем заклада был обнаружен железный топорик (рис. 4: 42), обращенный лезвием ко входу в камеру, и серебряная штампованная бляшка (рис. 4: 36). Вход в камеру арковидной формы. Его высота 0,6 м, ширина 0,45 м при ширине дромоса 0,64 м. Длина входа-коридорчика — 0,3 м. Дно входа совпадало с дном дромоса.

¹ Размеры закладной плиты — 0,63 × 0,48 × 0,15–0,28 м.

И
Б
Т
В
Т
С

Рис. 1. Планы катакомб № 96 (1) и № 76 (2):

А – дерн; Б – чернозем; В – материк; Г – первоначальное заполнение дромоса; Д – заполнение хода повторного проникновения; Е – рухнувший свод камеры; Ж – камень заклада

Fig. 1. Plans of the catacombs No. 96 (1) and No. 76 (2):

А – turf; Б – black soil; В – mainland; Г – primary filling of the dromos; Д – Filling of the re-enter opening; Е – fallen dome of the camera; Ж – stone of the foundation

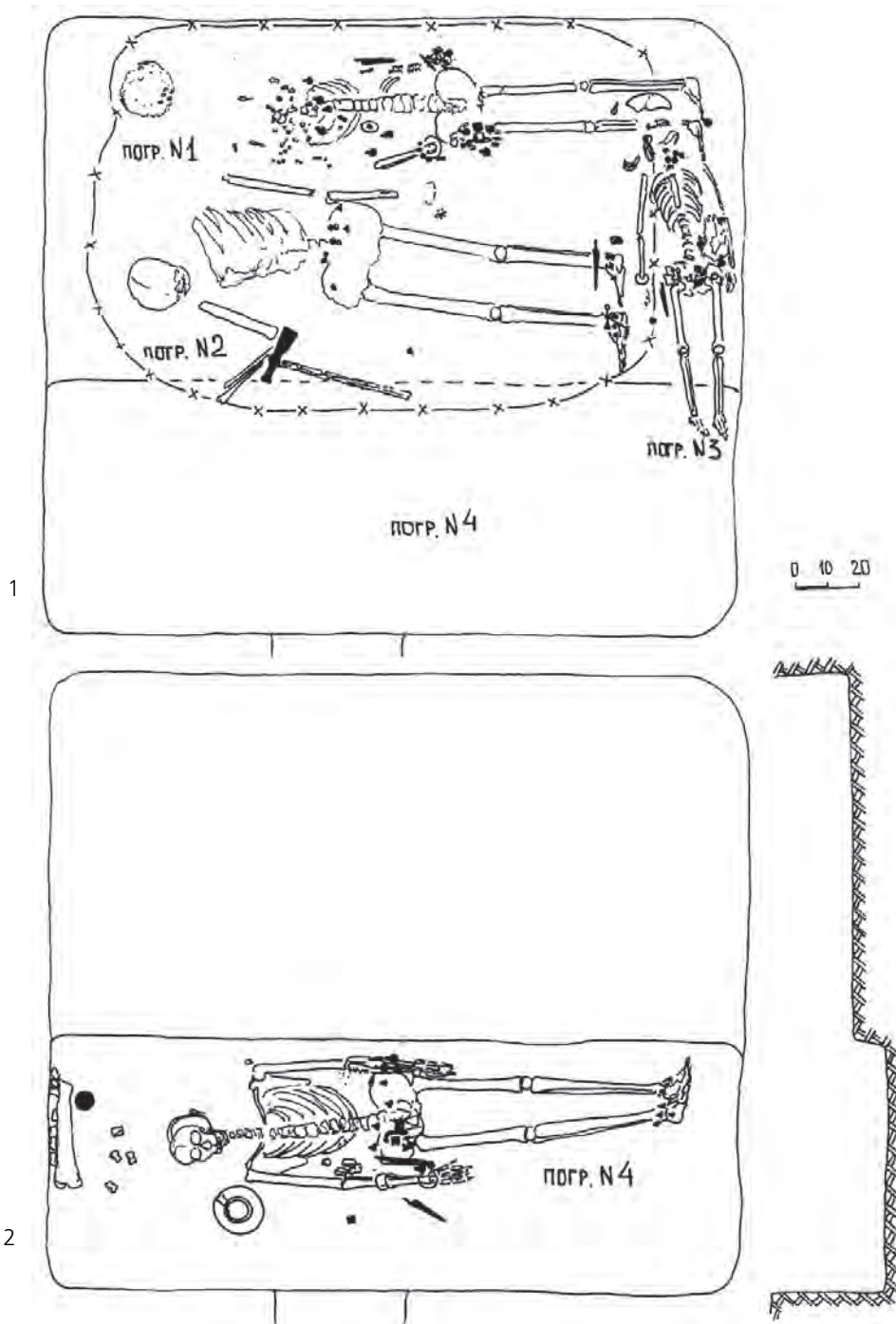

Рис. 2. План погребальной камеры катакомбы № 96:
1 – погребения № 1, № 2, № 3; 2 – погребение № 4

Fig. 2. Plan of the catacomb burial camera No. 96:
1 – burials No. 1, No. 2, No. 3; 2 – burial No. 4

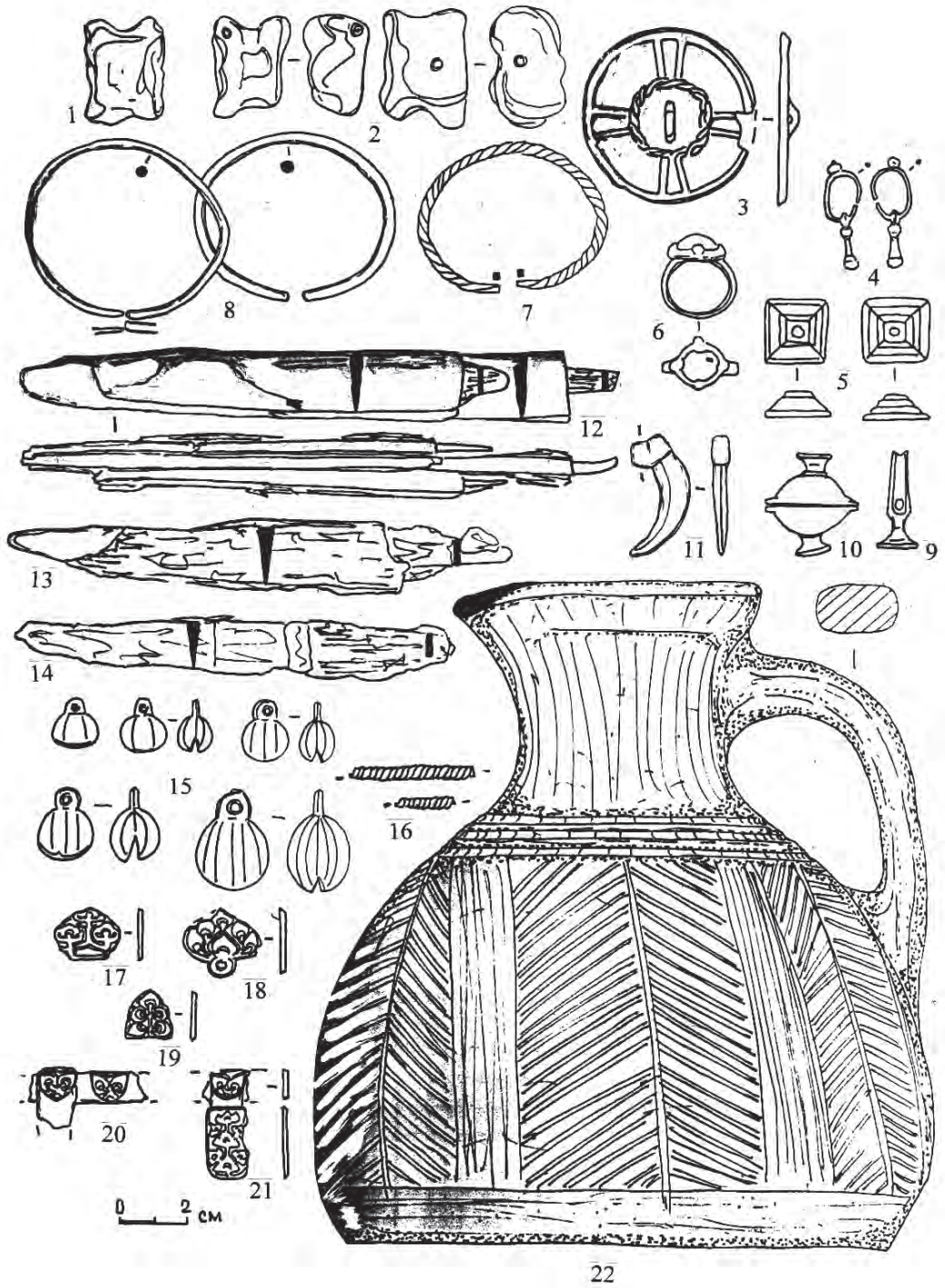

Рис. 3. Инвентарь погребения № 4 катакомбы № 96
 Fig. 3. Inventory of the burial No. 4 of the catacomb No. 96

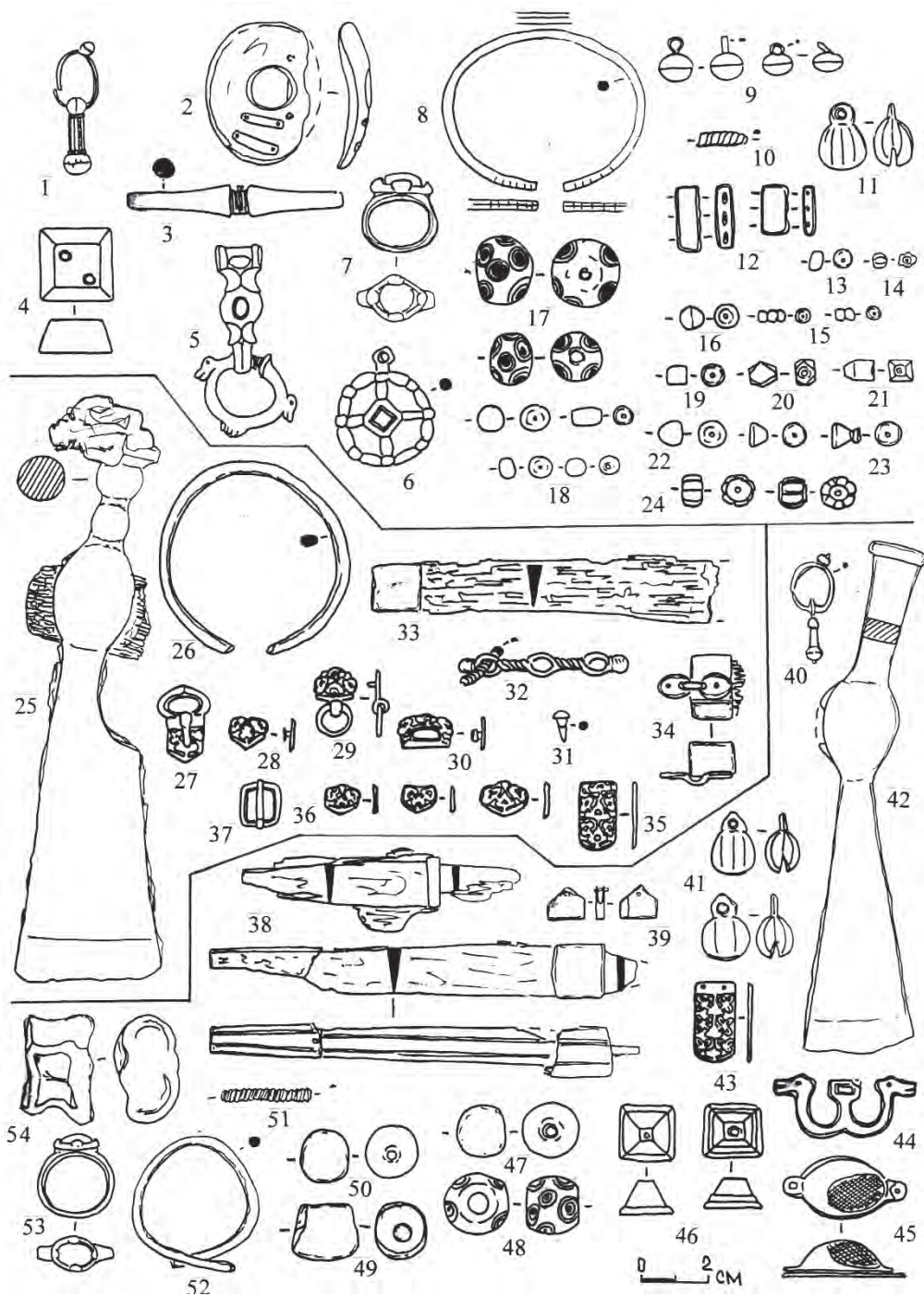

Рис. 4. Инвентарь катакомбы № 96:

1-24 – инвентарь погребения № 1; 25-37 – инвентарь погребения № 2; 38-54 – инвентарь погребения № 3

Fig. 4. Inventory of the catacomb No. 96:

1-24-burial inventory No. 1; 25-37-burial inventory No. 2; 38-54-burial inventory No. 3

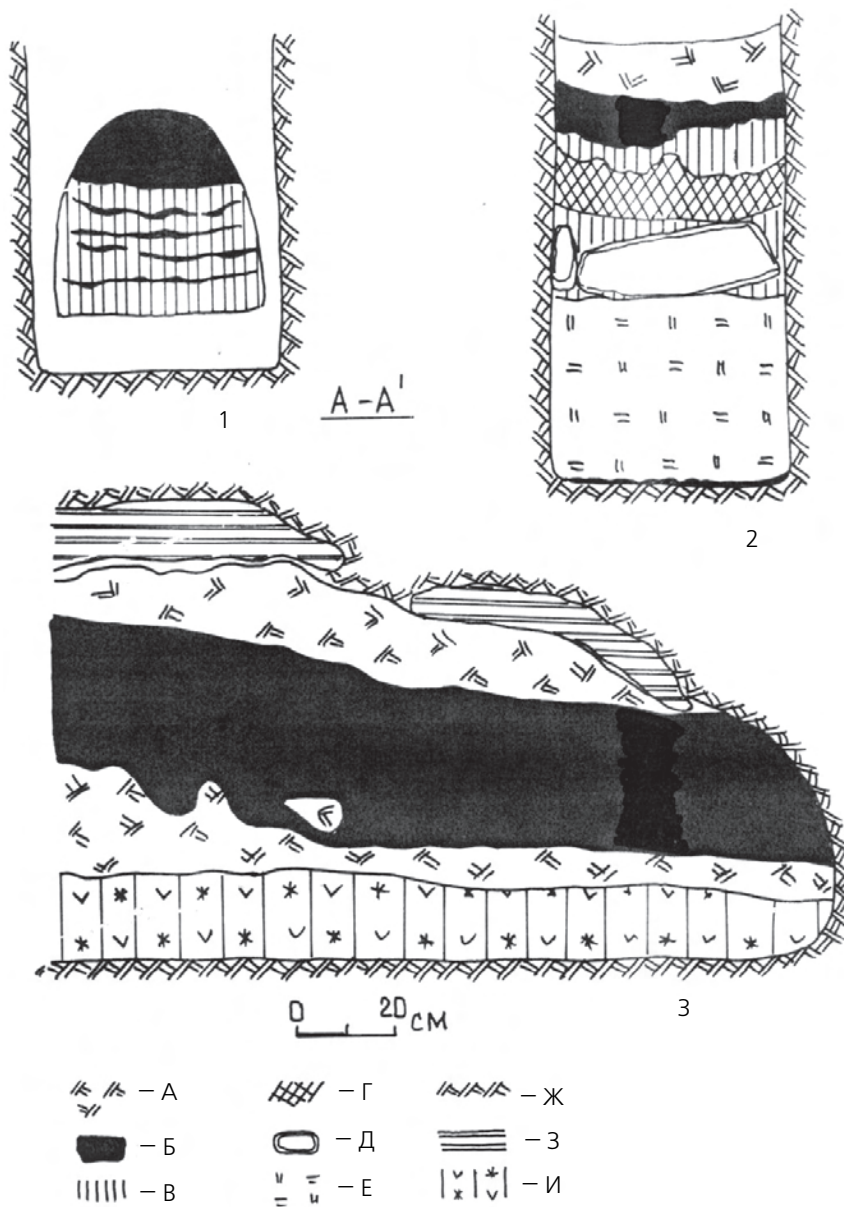

Рис. 5. Стратиграфия в катакомбе № 76:

1 – стратиграфия заполнения хода повторного проникновения в камеру; 2 – стратиграфия заполнения входа в камеру; 3 – стратиграфия заполнения северной части погребальной камеры. А – рушенная чистая материковая глина; Б – глина, перемешанная с большим количеством чернозема; В – глина с незначительным включением чернозема; Г – чернозем с незначительной примесью глины; Д – камни заклада; Е – первоначальное заполнение дромоса; Ж – материк; З – заполнение кротовин; И – чернозем с незначительными вкраплениями глины и мелких древесных угликов

Fig. 5. Stratigraphy in the catacomb No. 76:

1 – strtatigraphy of the filling of the opening of the camera's re-enter; 2 – strtatigraphy of the filling of the camera's enter; 3 – strtatigraphy of the filling of the northern part of the burial camera. А – pearled clean land loam; Б – loam mixed with a big number of the black soil; В – loam with a small number of the black soil; Г – black soil with a small number of loam; Д – stones of the foundation; Е – primary filling of the dromos; Ж – mainland; З – filling of the molehills; И – black soil with a small number of loam and little parts of charcoal

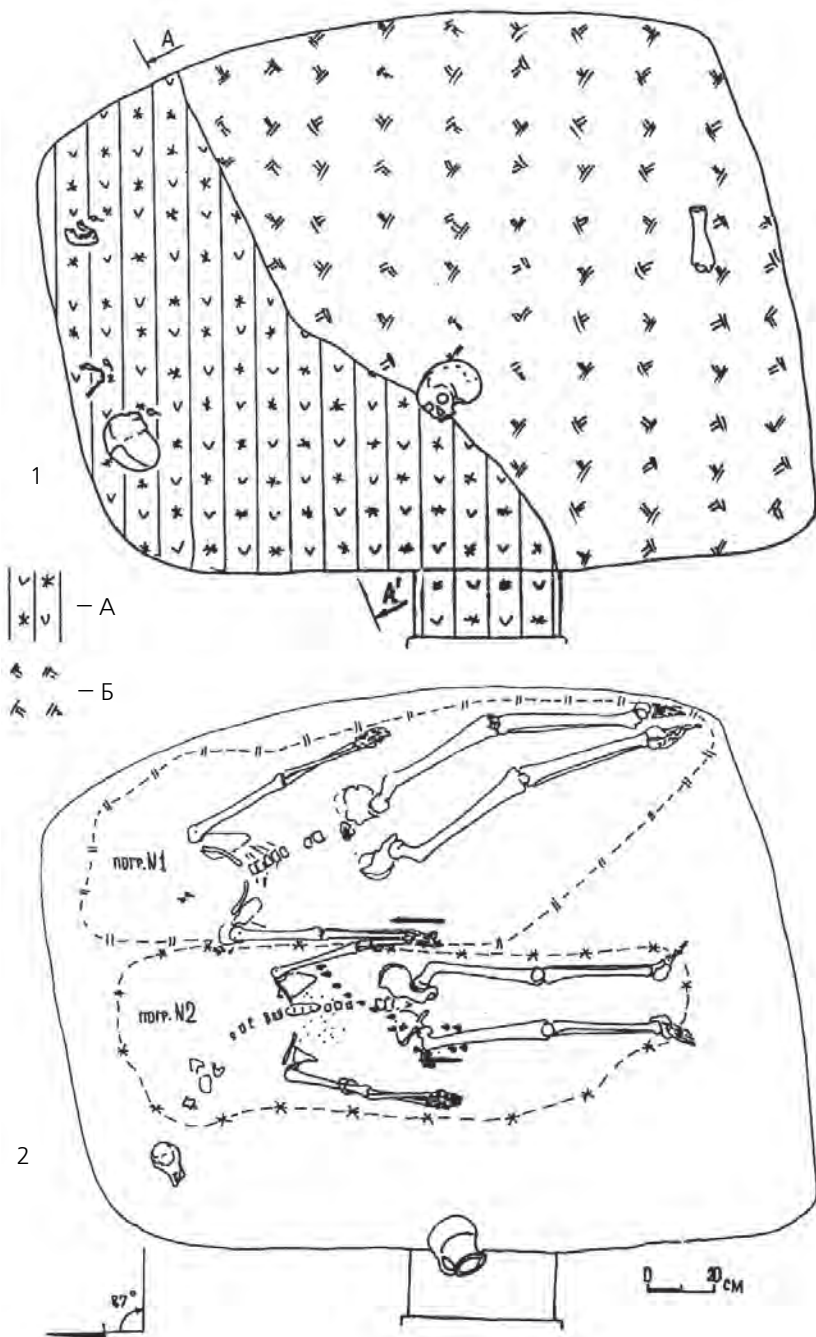

Рис. 6. План погребальной камеры катакомбы № 76:

1 – положение вещей в камере на высоте +0,2 м от пола; 2 – ситуация на полу камеры. А – чернозем с незначительными вкраплениями глины и мелких древесных угольков; Б – рыхлая чистая материковая глина.

Fig. 6. Plan of the catacomb burial camera No. 76:

1 – arrangement of the stuff in the camera, on height +0,2 m from the ground; 2 – situation on the ground of the camera. А – black soil with a small number of loam and little parts of charcoal; Б – pearled clean land loam

Камера по отношению к дромосу поперечная. В плане она имела форму прямоугольника размером $2,15 \times 1,92$ м (рис. 2). Высота камеры — 1,55 м. Пол камеры располагался на глубине $-4,95$ м от современной поверхности. Свод камеры не обваленный. На стенках и потолке камеры сохранились следы мотыжки, которой она была выдолблена. В камере находилось небольшое количество грунта, идентичного заполнению дромоса. По центру камеры его толщина достигала 25 см, у торцевой стенки — 8–10 см. Пол камеры был на 0,25 м ниже дна дромоса. Важной особенностью камеры было наличие небольшого ($-0,1$ м) углубления в ее полу около входа на всю ее длину. Ширина углубления составляла 0,8 м.

На дне углубления располагался костяк девушки 17 лет¹ (№ 4) (рис. 2: 2). Погребенная лежала вытянуто на спине, головой влево от входа. Состояние костей хорошее. За черепом девушки была обнаружена бедренная кость коровы возрастом 1,5–2 года, зеркало (рис. 3: 3), обращенное лицевой стороной вверх, и 9 астрагалов, два из которых имели просверленные отверстия (рис. 3: 1, 2). У правого плеча девушки стоял кувшин (рис. 3: 22). Погребенную сопровождали следующие вещи: два набора ножей в ножнах, серьги, две ворворки, перстень со стеклянной вставкой, три браслета, бубенчики, пронизи, подвеска-печатка, туалетная коробочка, клык — амулет, 7 стеклянных бисерин темно-синего цвета, 24 штампованные серебряные бляшки от поясного набора, штампованные серебряные бляшки и наконечники от ремешков обуви (рис. 3: 4–21).

В камере находились останки еще трех человек — мужчины 25–35 лет (№ 2), женщины 20–25 лет (№ 1) и ребенка 7–8 лет (№ 3) (рис. 2: 1). Мужчина и женщина были уложены вдоль торцевой стенки камеры головами влево от входа. Под костяками фиксировалась органическая подстилка черного цвета размером $1,82 \times 1,19$ м. Костяк ребенка лежал вдоль правой боковой стенки камеры, ногами к ее передней стенке. Череп ребенка покоился поверх голеностопного сустава ног женщины.

Состояние костяка № 1 плохое. Череп погребенной, в виде пятна костной трухи и зубов, лежал в дальнем левом углу камеры, в 0,40 м от своего первоначального места. Женщину сопровождал следующий инвентарь: две золотые серьги, 34 сердоликовые и 55 стеклянных бусин, бубенчики, пронизи, пряжка-пуговица из раковины, веретенovidная пуговица, перстень со вставкой из стекла, солярный амулет, железный нож, браслет из крупных глазчатых бус, проволоочный браслет, подвеска и ворворка (рис. 4: 1–24).

Сохранность костяка № 2 плохая. Сильно истлевший череп был смещен со своего первоначального места на 0,1 м, к правому плечу погребенного. При мужчине находился следующий инвентарь: топорик-чекан, браслет, поясные бляшки, пряжка, поясной распределитель, серебряные штампованные бляшки и наконечники от ремешков обуви, обувная пряжка, нож в ножнах (рис. 4: 25–37).

Кости ребенка (№ 3) сильно истлели, череп развалился. При ребенке были найдены: серьга, четыре крупные бусины (стеклянная глазчатая, сердоликовая, из горного хрусталя, и бусина из роговика), браслет, набор ножей в ножнах с оковками из серебряной фольги, четыре астрагала, бубенчики, пронизи, амулет, туалетная коробочка, две ворворки, перстень со вставкой из стекла, серебряный штампованный наконечник от ремня (рис. 4: 38–54). Ребенку, исходя из миниатюрности изделия, принадлежал и найденный в дромосе топорик (рис. 4: 42).

Данный комплекс является достаточно наглядной иллюстрацией погребения с последующим подзахоронением в камере новых умерших членов семьи. По стратиграфии и положению костяков видно, что первоначально в камеру было помещено тело умершей девушки, которую в силу каких-то причин уложили у входа в камеру. После

¹ Антропологические и остеологические определения сделаны В. Бондаренко, старшим научным сотрудником Музея природы Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина.

чего оно было засыпано грунтом на высоту чуть выше дна входа в камеру. Грунт, перекрывший тело девушки, лег неровным слоем, и образовал поверхность, имеющую незначительный наклон к торцевой и боковым стенкам камеры. После этого вход в камеру был закрыт закладом. Вполне возможно, что на этом этапе дромос оставался открытым для последующих действий. Спустя какое-то время в камеру были помещены тела еще трех людей. Они были уложены на грунт, перекрывший тело ранее умершей девушки. Возможно, что тела новых покойников помещались в камеру с небольшим временным интервалом. Так, сначала были уложены тела мужчины и женщины — супружеской пары, а спустя еще какое-то время — и тело их ребенка. После этого заклад был окончательно установлен на место, а для предотвращения последующих смертей в семье, у входа в камеру в качестве оберега был помещен железный топорик. Использование в качестве оберегов режущих/колющих железных предметов подтверждается и археологическими, и этнографическими данными [6, с. 44; 7, с. 192; 8, с. 99]. После этого дромос был засыпан грунтом и больше не подвергался преднамеренному вскрытию.

Такую последовательность совершения захоронений подтверждает состояние костяков погребенных людей, сохранность которых соответствует закономерностям разложения органических веществ в определенных природных условиях [9, с. 27]. Пребывание останков девушки в глинистом грунте, т. е. в среде более бедной кислородом по сравнению с костяками № 1, 2, 3, при прочих равных условиях (температура, влажность, время разложения и т. п.), обусловило более лучшую его сохранность. Нахождение черепов костяков № 1 и № 2 на некотором удалении от их первоначального места расположения связано с наклоном к торцевой и боковым стенкам камеры той поверхности, на которой были уложены умершие люди. После разрушения мягких тканей и связок черепа людей сползли по наклонной плоскости со своих первоначальных мест. Череп ребенка, лежавший на костях ног женщины, просто развалился и остался лежать на своем первоначальном месте.

Присутствие при костяках людей разнообразных вещей в данной катакомбе дает представление о том, как выглядит набор инвентаря в захоронениях с не потревоженными костяками, что позволяет сравнить его с катакомбами, в которых костяки несут следы преднамеренного нарушения, например с катакомбой № 76.

Катакомба № 76 имела дромос, ориентированный по склону вдоль линии восток-запад с незначительным отклонением к северу (Аз. 87°). На уровне обнаружения пятно дромоса имело в плане «булавовидную» форму из-за наличия в его восточном конце хода вторичного проникновения в погребальную камеру (рис. 1: 2). Длина дромоса 4,55 м. Его не потревоженный перекопами западный край на уровне зачистки имел форму вытянутого прямоугольника размером 2,6 × 0,38–0,42 м. Заполнение этой части дромоса состояло из материковой глины с незначительными вкраплениями чернозема.

В восточном конце дромоса, выше по склону, располагался ход повторного проникновения в погребальную камеру. На уровне фиксации он имел в плане каплевидную форму. Его длина достигала 1,95 м, при ширине 0,42–1,2 м. По цвету, консистенции, плотности заполнение этого хода существенно отличалось от материка и заполнения начальной части дромоса. Заполнение хода повторного проникновения в камеру по своей структуре было слоистым. Отмечался наклон слоев в сторону восточной торцевой стенки дромоса. Слои в заполнении этого хода чередовались: слои относительно чистой рушенной материковой глины сменялись слоями чернозема с незначительными вкраплениями материковой глины и суглинка и слоями рушенной материковой глины, перемешанной в разной степени с черноземом (рис. 5: 1). Эти слои имели заметный прогиб вдоль длинной оси дромоса. На разных глубинах хода повторного проникновения встречались мелкие древесные угольки, невыразительные фрагменты салтовской керамики. Дно хода повторного проникновения, имевшее четко заметный наклон в сторону

торцевой стенки дромоса, фиксировалось по слою темного плотного грунта с включениями мелких древесных угольков. На дне этого хода был обнаружен каменный заклад, отброшенный от входа в камеру. Заклад состоял из четырех плит песчаника. Первая плита была обнаружена на глубине 1,34 м от уровня современной поверхности, еще три плиты располагались у входа в саму погребальную камеру¹.

Дно дромоса комбинированное (рис. 1: 2). В начальной его части было зафиксировано девять ступенек. От последней из них дно дромоса наклонно (под углом в 4°) спускалось к входу в камеру. Дно дромоса у входа в камеру находилось на глубине 3,22 м от уровня современной поверхности.

В восточной торцевой стенке дромоса находился вход в камеру, который располагался на 0,06 м выше дна дромоса. Вход в камеру арковидной формы. Его размеры: высота 0,44 м, ширина 0,44 м, длина 0,2 м. Вход в камеру был заполнен грунтом (рис. 5: 2), который по цвету и составу соответствовал заполнению хода повторного проникновения в камеру.

Погребальная камера поперечная, асимметричная, трапециевидной формы (рис. 6). Ее размеры 2,23 × 1,68 м. Высоту камеру установить не представлялось возможным из-за обвала свода. Пол ее фиксировался на глубине 3,25 м.

Камера вскрывалась сверху, поэтому удалось проследить ее заполнение. В северной части камеры заполнение было следующим: дно камеры было перекрыто слоем грунта темного цвета толщиной 0,18–0,2 м, состоящим из чернозема с незначительными вкраплениями материковой глины и включениями древесных угольков; поверх него располагался слой чистой материковой глины толщиной 0,25 м (у входа в камеру) — 0,02 м (у ее восточной стенки) — обрушившийся в древности свод погребальной камеры; сверху залегал слой чернозема с примесью большого количества материковой глины толщиной 0,3–0,35 м; выше располагался слой чистой глины толщиной 0,01–0,2 м — следы обвала свода камеры, по верхней границе которого проходили ходы землеройных животных (рис. 5: 3). В южной части камеры заполнение камеры было представлено только массивом материковой глины.

Стратиграфия заполнения камеры показывает, что в древности в не было совершенно проникновение, уже после того, как свод камеры обрушился и перекрыл слоем чистой материковой глины человеческие останки. Слой материковой глины перекрывал всю южную половину погребальной камеры (рис. 6: 1). В ее северной половине, наискосок от входа к ее левому дальнему углу, фиксировался слой чернозема перемешанного с глиной и вкраплениями древесных угольков. Наибольшая толщина этого слоя была зафиксирована в районе предполагаемого расположения голов погребенных, тогда как и у входа, и у торцевой стенки камеры толщина слоя была незначительной, а поверхность его наклонной. На этом слое в северной части камеры лежали два человеческих черепа с отделенными от них нижними челюстями, а во входе-коридорчике — кувшин (рис. 7: 40). Череп мужчины, покоившийся на правой височной кости и обращенный лицевыми костями в сторону передней стенки камеры, лежал в 0,7 м от входа. Череп женщины, лежавший на левой височной кости и обращенный лицевыми костями в сторону торцевой стенки камеры, находился у левой стенки камеры в 0,98 м от черепа мужчины. К западу от черепа женщины на расстоянии 0,35 м друг от друга лежали две людские нижние челюсти. Возле нижней челюсти мужчины находилась бронзовая сережка (рис. 7: 13), а рядом с нижней челюстью женщины — пара золотых сережек (рис. 7: 15). На одном уровне с черепами людей в южной части камеры, в слое материковой глины, находилась трубчатая кость коровы.

На полу камеры располагались останки мужчины и женщины, уложенных в вытянутом положении на спине головой влево от входа. Кисть правой руки мужчины

¹ Размеры плит: первой — 0,21 × 0,43 × 0,3–0,05 м; второй — 0,63 × 0,47 × 0,16 м; третьей — 0,3 × 0,27 × 0,08 м; четвертой — 0,28 × 0,11–0,07 м.

Рис. 7. Инвентарь катакомбы № 76:
1-14 – инвентарь погребения № 1; 15-40 – инвентарь погребения № 2

Fig. 7. Inventory of the catacomb No. 7:
1-14 – burial inventory No. 1; 15-40 – burial inventory No. 2

покоилась на кисти левой руки женщины. Костяки погребенных людей на полу камеры сохранили свой анатомический порядок (рис. 6: 2).

Костяк мужчины (№ 1) покоился вдоль торцевой стенки камеры на органической подстилке темно-коричневого цвета размером $2,0 \times 0,55-0,7$ м. Сохранность его плохая, большая часть костей превратилась в тлен. Лучше всего сохранились трубчатые кости рук и ног. При костяке мужчины были найдены: три пронизи, пуговица (рис. 7: 3), два бубенчика, остатки поясного набора (рис. 7: 4–9), пакет ножей в ножнах с серебряными оковками (рис. 7: 1, 2), перстень со вставкой из стекла (рис. 7: 14), серебряные бляшки и наконечники от ремешков обуви (рис. 7: 10–12).

Женщина была уложена рядом с мужчиной на угольной подстилке толщиной 2 см и размером $1,74 \text{ м} \times 0,45-0,5$ м. Сохранность костей плохая, большинство из них превратилось в тлен. Лучше всего сохранились трубчатые кости рук и ног. Женщину сопровождал следующий инвентарь: россыпь бус, 13 пронизей, штампованная пуговица (рис. 7: 16–24, 27), пуговицы-бубенчики (рис. 7: 28), 15 литых бубенчиков (рис. 7: 26), три туалетные коробочки (рис. 7: 25, 29), нож в ножнах (рис. 4: 30), пряжка-пуговица из раковины (рис. 7: 36), астрагал, три браслета (рис. 7: 34, 35), три перстня: один — серебряный со вставкой из сердолика (рис. 7: 32), второй — бронзовый с плоским расплюснутым щитком (рис. 7: 33), третий — бронзовый с вставкой из стекла (рис. 7: 31), пряжки, серебряные штампованные бляшки и наконечники от ремней обуви (рис. 7: 37–39).

Стратиграфия и расположение останков позволяет реконструировать последовательность сложения данного погребального комплекса. После создания камеры, в нее были помещены тела умерших людей. Вход в нее был закрыт каменным закладом, состоящим из одной основной плиты, укрепленной тремя плитами меньшего размера. Спустя непродолжительное время свод камеры обрушился, в результате чего тела умерших были перекрыты слоем чистой материковой глины. Уже после обвала, через ход повторного проникновения в нее, предварительно отбросив заклад, проникли люди, которым было знакомо устройство камеры и расположение в ней покойников. Их интересовала только та часть камеры, где располагались головы погребенных. Туда и были направлены их основные действия, тогда как глиняное перекрытие над ногами погребенных не было нарушено. Вскрыв слой глины в северной части камеры, они извлекли головы погребенных, остатки мясной жертвенной пищи и кувшин из левого переднего угла камеры. Ко времени повторного проникновения в камеру тела погребенных еще окончательно не лишились мягких тканей, так как с головами были вынуты и серьги, находящиеся в ушах умерших. После проведения каких-то действий с головами погребенных, люди, проникшие в камеру, бросили остатки мясной жертвенной пищи в ее южную часть, перекрытую рухнувшим сводом, а кувшин — во входной коридорчик. Черепа же людей и отделенные от них нижние челюсти, находящиеся при них серьги были оставлены в перерытой северной части камеры. После этого ход повторного проникновения в погребальную камеру был засыпан. Спустя какое-то время произошло новое обрушение свода в камеру, в результате которого все свободное пространство камеры оказалось заполнено чистой материковой глиной.

По материалам поясной гарнитуры, данный погребальный комплекс датируется концом VIII — началом IX вв. (хронологические горизонты I/II — II во А. В. Комару) [10, табл. 4, с. 132]. Тот факт, что на момент проникновения в камеру мягкие ткани еще до конца не разложились, а полное разрушение мягких тканей происходит в ближайшие 3–5 лет после похорон [11, с. 19], указывает, что проникновение в захоронение было совершено спустя непродолжительное время после помещения тел в камеру, т. е. в период существования салтово-маяцкой культуры.

Кто же мог осуществить проникновение в данное захоронение? Анализ материалов катакомб Верхнего Салтова показывает, что катакомбный могильник здесь функцио-

нировал еще в начале X в. [12, с. 140–148]. Время совершения проникновения в захоронение, расположение самого могильника в непосредственной близости от городища и целой цепочки селищ, расположенных в 500–800 м от исследуемого участка могильника, ограничивает круг людей, проникших в данную катакомбу, только представителями салтово-маяцкой культуры, проживавшими в данном регионе. Это могли быть или собственно аланы Верхнего Салтова, или представители населения, проживавшие на левом берегу р. Северского Донца, напротив Верхне-Салтовского городища, и оставившие погребения в простых грунтовых ямах Нетайловского могильника [13, с. 80–96]. Достоверных данных об участии нетайловцев в преднамеренном вскрытии катакомбных захоронений Верхнего Салтова нет. К тому же, одновременные «салтовцам» грабители не аланского происхождения вряд ли могли позволить себе безнаказанно орудовать на могильнике, учитывая расположение могильника в непосредственной близости от городища, и частое посещение живыми могил своих ранее умерших родственников. Осетины, генетически связанные с донскими аланами, по этнографическим данным посещают могилы предков для проведения основных поминок 7 (мусульмане) и 12 (христиане) раз в год, не считая еженедельных [14, с. 91; 15, с. 381, 382]. Препятствовало этому и возможное присутствие рядом с некрополем сторожей, как это было отмечено С. А. Плетневой на Дмитриевском могильнике [16, с. 86].

Стоит обратить внимание и на состав погребального инвентаря кат. № 76. Инвентарь данного захоронения, несмотря на то, что в него было совершено преднамеренное проникновение, приведшее к нарушению целостности человеческих останков, по своему видовому составу и качеству соответствует наборам вещей из кат. № 96, в которой смещение человеческих останков обусловлено влиянием естественных факторов. При погребенных в кат. № 76, несмотря на то, что в нее было совершено проникновение, остались все вещи и личные украшения умерших, включая такие знаковые предметы как наборной пояс и золотые серьги. Это позволяет констатировать, что преднамеренное проникновение в камеру кат. № 76 было совершено не с целью «ограбления» в общепринятом смысле этого слова. Хотя нельзя исключать и того, что в процессе проникновения в камеру из нее могли быть изъяты какие-то отдельные вещи. Так, например, из нее мог быть изъятым железный топорик, который в большинстве салтовских захоронений клался в районе головы или плеча погребенного человека. Однако, в случае с преднамеренным ограблением камеры трудно объяснить, почему остальные вещи не были взяты, включая в первую очередь такие знаковые вещи как золотые серьги, которые проникшие в камеру люди, несомненно, видели. Как свидетельствуют и письменные, и археологические материалы, при ограблении из могил изымались в первую очередь изделия из драгоценных металлов, престижные вещи. Свидетельством чему материалы скифских курганов, большинство из которых дошло до нас в ограбленном состоянии [17, с. 20–22; 18, с. 427–445]. Целью ограбления могил, как в древности, так и в более позднее время была жажда наживы. Цель проникновения в погребальную камеру кат. № 76 была явно другая.

В литературе преднамеренное проникновение в погребения, кроме их собственно ограбления, связывается с осквернением захоронений, или же с проведением определенных ритуальных действий (обрядов инициации, получение шаманского дара, изъятия вещей и т.п.) [19, с. 149–150].

При этом осквернение могил большинством исследователей связывается со сменой населения, когда пришельцы, заняв территорию прежнего населения, для утверждения своего права на данную местность не только разрывали и оскверняли могилы аборигенов, но и использовали их для своих захоронений [18, с. 444; 19, с. 150; 20, с. 81–83; 21, с. 24–26]. Для оскверненных погребений характерны разбросанные по дну захоронения в беспорядке человеческие кости, разломанные вещи, отсутствие многих костей скелета [19, с. 150], ибо с расчленением трупа на части терялась возможность к возрождению человека, как в мире мертвых, так и возможность воскресения в мире

живых. Основным условием для возрождения человека была обычно целостность костяка, наличие всех костей скелета в целом (нераздробленном и ненарушенном виде) [22, с. 178–190]. Поэтому считать кат. № 76 вскрытой для проведения обряда осквернения в соответствии со всем выше сказанным, учитывая время проникновения в нее, не представляется возможным.

Однако, в кат. № 76 проводились явные манипуляции с головами/черепами погребенных, тогда как находящиеся в камере вещи совсем не интересовали проникших в катакомбу людей. В контексте общемировой концепции, по которой голова/череп является вместилищем души, общей жизненной силы и олицетворением человека [23, с. 212–219; 24, с. 303], отделение головы от тела трупа ведет к полному уничтожению личности как таковой, и к полной уверенности в том, что теперь покойник никак не может вредить живым. В данном случае мы можем говорить об одной из форм обезвреживания покойника, ибо основой отношений между похороненным покойником и его живыми является страх [25, с. 470]. Вполне возможно, что в данном случае мы имеем дело с так называемой «заключительной церемонией», проведение которой означает конец траура, делает для живых смерть сородича полной и окончательной, после чего «душа покойника уже не будет оказывать индивидуальное воздействие на общественную группу по крайней мере в течение неопределенного периода, пока она ждет своего перевоплощения» [25, с. 250–251]. Как показывают этнографические данные, после проведения заключительной церемонии живым уже нечего больше бояться покойника [25, с. 252].

Г. Е. Афанасьев, со ссылкой на этнографические наблюдения над похоронными обрядами осетин, не допускает возможность того, что генетически связанные с ними донские аланы могли проникать в захоронения и тревожить останки своих сородичей [2, с. 122–123]. При этом исследователь оставляет без внимания тот факт, что в салтовских катакомбах при подзахоронениях, если места в камере было мало, то кости ранее умерших родственников частично или полностью сдвигались в сторону [7, с. 185, рис. 95; с. 224, рис. 108: II; с. 240, рис. 111: I; 26, с. 131, рис. 12]. Таким образом, мы видим, что у алан Подонцовья все же допускалось нарушение анатомической целостности костяка погребенных их родственниками. Соответственно, можно предположить, что аланы Подонцовья жизнь за гробом своих умерших родственников представляли несколько иначе, чем их потомки — осетины. К тому же этнографические данные по некоторым народам Северного Кавказа (Нагорный Дагестан) свидетельствуют, что могилы людей, ведущих себя при жизни непристойно, жадных и богатых, и вследствие этого ставших *ххурттаймой*, раскапывались, голова умершего отрубалась металлическим клинком, после чего голова ложилась у ног и могила обратно закапывалась [6, с. 31]. Поэтому, как нам представляется, нельзя полностью переносить отношения осетин к могилам своих предков в условиях Кавказа в XIX в. на алан, проживавших более чем десять веков до них. На момент фиксации этнографических данных по осетинам в XIX в., последние уже достаточно долго пребывали под влиянием монотеистических религий, что не могло не отразиться на представлениях осетин о потустороннем мире¹.

Основной идеей погребального обряда была идея жизненного круговорота. Зарывание покойника в землю, его ориентировка, наделение умершего имуществом,

¹ На том свете умерший, после ознакомления с поучительными зрелищами, состоящими из сцен вечного воздаяния и вечного возмездия, прибывает на распутье трех дорог. «Две крайние ведут: одна — на небо, другая — в преисподнюю; лучше всех средняя. Избравший ее попадает туда, где на троне в окружении Нартов восседает царь мертвых Барастыр» [27, с. 197]. «Рай в нартском эпосе — это огромный цветущий сад, где стоят золотые столы, накрытые всякими яствами и напитками. Ад — это окруженное высоким забором место, где находятся грешники» [14, с. 91]. Появление дорог, ведущих на небо и в преисподнюю, рай и ада связано с влиянием монотеистических религий на первоначальное языческое мировоззрение алан/осетин.

надмогильное сооружение, напутственное слово покойнику и т. д. — все это должно было работать на обеспечение бесперебойности цикла возрождения человека [28, с. 185]. Таким образом, правильное отправление погребального обряда должно было привести к тому, что умерший человек через какое-то время должен был вернуться в новую земную жизнь младенцем. По представлению некоторых народов срок между смертью человека и его последующим рождением тем короче, чем моложе был покойник [28, с. 183]. Так, у обских угров время в потустороннем мире течет в семь раз быстрее земного или в несколько число раз, кратное семи. По мнению М. Ф. Косарева, земное время течет примерно в 21 раз медленнее времени в потустороннем мире [28, с. 193]. Именно поэтому окончательная смерть в потустороннем мире, а, следовательно, и полная готовность к новому возрождению в земном мире у остяков и вогулов для стариков определялась 3–4 годами после похорон, для зрелых людей — в 2 года, для молодых — в 1 год [28, с. 192]. Возможно, что подобные воззрения существовали и у аланского населения Подонья, ибо проникновения в погребальные камеры с последующим разрушением костяков умерших происходило в период от 3 до 5 лет после совершения похорон [8, с. 109]. Тогда преднамеренное проникновение в катакомбу спустя 3–5 лет после совершения захоронения, и следующее за этим разрушение костяков, уже лишенных мягких тканей, должно было символизировать окончательную смерть конкретного человека и готовность возродиться к новой земной жизни в лице нового члена семьи. Это вполне возможно, ибо для людей с первобытным мышлением характерна мысль, что когда разложение закончено, то завершённой является и сама смерть [25, с. 253]. Развитие таких воззрений у алан Подонья могло произойти под влиянием существовавшего рядом с ними в рамках одной салтово-маяцкой культуры тюркоязычного населения. Для последних характерно окончательное уничтожение тела (заместителя умершего, где сохранялась одна из его душ) после проведения последних поминок — через год после смерти [29, с. 250], что означало окончательный разрыв связи живых родственников с покойником.

С другой стороны, нельзя обойти вниманием и тот факт, что у предков алан — скифов отсутствовало представление о святости могил предков для всего этноса в целом. Священными для каждого коллектива были только свои могилы или могилы родственных групп [21, с. 25]. Поэтому можно предположить, что славяно-хазарского пограничья борьба за главенство между разными аланскими родами (выходцами из разных районов Северного Кавказа) на новых заселенных землях лесостепного Подонья могла привести к ситуации, когда представители одного возвысившегося рода для закрепления своего главенствующего положения могли разрушить/осквернить могилы своих противников за власть, происходивших из другого аланского рода. На факт присутствия на Верхнем Салтове нескольких разнородственных групп аланского населения указывает существование нескольких участков катакомбного могильника (ВСМ-I, ВСМ-III, ВСМ-IV), существовавших одновременно [30, с. 165, рис. 1]. Незначительные отличия между катакомбными захоронениями разных участков могильника были отмечены еще В. А. Бабенко [31, с. 548–549], и подтверждены последующими работами на памятнике [32, с. 154–156]. Неоднократные переходы главенства от одного рода алан к другому, возможно, и обусловило в разной пропорции присутствие катакомб с разрушенными костяками на всех участках могильника у с. Верхний Салтов [8, с. 110, табл.]. То, что такая ситуация возможна, свидетельствует осетинский эпос, повествующий о вражде между двумя родами Нартов — Бората и Ахсартагкатак, приведшей к войне между ними (цепной кровной мести) и полному истреблению одного из враждующих родов [33, с. 285–296; 34, с. 198–234]. Такая вражда не могла не отразиться на целостности могил предков представителей побежденного рода. Подобные явления нашли свое отражение в раннесредневековых письменных источниках [22, с. 185–188].

Таким образом, материалы двух рассмотренных катакомб Верхне-Салтовского IV могильника позволяют сделать следующие выводы:

- 1) в катакомбы Верхнего Салтова осуществлялись преднамеренные проникновения через ход повторного проникновения, сделанный в дромосе у входа в погребальную камеру;
- 2) разрушение костяков погребенных связано именно с этим повторным проникновением в камеру, а не обусловлено природными факторами;
- 3) проникновение в камеру и разрушение костяков погребенных происходило еще до полного освобождения трупов от мягких тканей (спустя 3–5 лет после похорон), таким образом, оно осуществлялось представителями салтовского (аланского) населения;
- 4) проникавшие в камеру люди хорошо знали устройство самих камер и расположение покойников, их не интересовали вещи покойных, даже из разряда престижных (поясные наборы, золотые серьги и т. п.);
- 5) избирательность в разрушении костяков, отсутствие интереса проникших в камеру к погребальному инвентарю указывает на обрядовость проводимых ими действий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Афанасьев Г. Е.* Забота о предках или стремление избавиться от них? (К дискуссии по исторической интерпретации разрушенных скелетов Маяцкого могильника) // *Культ предков, вождей, правителей в погребальном обряде.* — М., 2010.
2. *Афанасьев Г. Е.* Спорные вопросы в методике интерпретации разрушенных скелетов в памятниках салтово-маяцкой культуры // *РА.* — 2012. — № 2.
3. *Флеров В. С.* Аланы Центрального Предкавказья V—VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. — М., 2000.
4. *Флеров В. С.* Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н. э. — IV в. н. э. и Восточной Европы в IV в. до н. э. — XIV в. н. э. — М., 2007.
5. *Лаптев А. А.* Попытки ограбления IV Верхне-Салтовского катакомбного могильника // *Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження.* — Вип. 2. — Х., 2012.
6. *Гаджиев Г. А.* Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. — М., 1991.
7. *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. — М., 1989.
8. *Аксенов В. С.* Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры // *РА.* — 2002. — № 3.
9. *Янин Б. Т.* Основы тафономии. — М., 1983.
10. *Комар А. В.* Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // *Vita antiqua.* — 1999. — № 2.
11. *Рубежанский А. Ф.* Определение по костным останкам давности захоронения трупа. — М., 1978.
12. *Иченская О. В.* Особенности погребального обряда и датировка некоторых участков Салтовского могильника // *Материалы по хронологии археологических памятников Украины.* — К., 1982.
13. *Иченская О. В.* Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника // *Древности Среднего Поднепровья.* — К., 1981.

14. Калоев Б. А. Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII — начале XIX в. // Кавказский этнографический сборник. VIII. — М., 1984.
15. Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. — Орджоникидзе, 1968.
16. Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. — 1967. — № 142.
17. Полин С. В. Про пограбування скіфських курганів у районі Чортomla // Археологія. — 2003. — № 2.
18. Мозолевский Б. Н., Полин С. В. Курганы скифского Геррота IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). — К., 2005.
19. Кузьмин Н. Ю. Ограбление или обряд? // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. — СПб., 1991.
20. Дашевская О. Д. О разорении греческих и скифских могил в древности // РА. — 1994. — № 4.
21. Хазанов А. М., Черненко С. В. Час і мотиви пограбування скіфських курганів // Археологія. — 1979. — № 30.
22. Дмитриев С. В. Практика разорения могил в политической культуре тюрко-монгольских кочевников // Антропология насилия. — СПб., 2001.
23. Дмитриев С. В. Тема отрубленной головы и политическая культура народов Центральной Азии (общезападный контекст) // Стратум: структуры и катастрофы. — СПб., 1997.
24. Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. — Л., 1936.
25. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. — М., 1994.
26. Семенов-Зусер С. А. Розкопки коло с. Верхнього Салтова 1946 р. // Археологічні пам'ятки України. — Т. I. — К., 1949.
27. Дюмезиль Ж. Скифы и Нарты. — М., 1990.
28. Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим материалам. — М., 2003.
29. Шишло Б. П. Среднеазиатский тул и его сибирские параллели // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. — М., 1975.
30. Хоружая М. В. Исследования Верхне-Салтовского археологического комплекса: проблемы и перспективы // Древности, 2012: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 2012. — Вып. 11
31. Бабенко В. А. Раскопки катакомбного могильника в Верхнем Салтове, Волчанского уезда, Харьковской губ. // Труды Харьковской комиссии по устройству XIII Археологического съезда в Екатеринославе. — Х., 1905.
32. Хоружая М. В., Аксенов В. С. Катакомбные захоронения Верхне-Салтовского археологического комплекса (к вопросу освоения аланским населением верхнего Подонцовья) // Проблемы дослідження пам'яток археології Східної України. — Луганськ, 2005.
33. Сказания о Нартах. Осетинский эпос. — Цхинвали, 1981.
34. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. — М. 1976.

Резюме

Аксенов В. С. До питання інтерпретації зруйнованих кістяків у катакомбних похованнях салтово-маяцької культури

На матеріалах катакомбних поховань № 76 та № 96 Верхньо-Салтівського IV могильника показано: 1) до катакомб здійснювалось навмисне проникнення через спеціальнийхід, котрий робився в дромосі біля входу до погребальної камери; 2) руйнація людських кістяків пов'язана саме з цим повторним проникненням до

Н
Г
Л
С

поховальної камери; 3) проникнення до камери та руйнація кістяків здійснювалась ще до повного звільнення трупів від м'яких тканин (від 3 до 5 років після поховання), таким чином, воно здійснювалося представниками салтівського (аланського) населення; 4) люди, котрі проникали до поховальних камер, знали їх устрій та розташування небіжчиків, їх не цікавили речі покійних, навіть з розряду престижних (поясні набори, золоті сережки тощо); 5) вибірковість в руйнації людських кістяків, байдужість людей, що проникли у камеру, до поховального інвентарю вказують на обрядовість дій, котрі вони проводили.

Ключові слова: Верхньо-Салтівський могильник, катакомбне поховання, руйнація кістяків, алани, знешкодження небіжчиків.

Summary

V. Aksyonov. About the Question of Interpretation of the Destroyed Skeletons in Catacomb Burial of Saltovo-Mayatskaya Culture

According to the materials of catacomb burials No. 76 and No. 96 of Verchne-Saltovskogo (Upper Saltovskogo) burial IV it were shown that: 1) to the catacomb there were deliberate re-enter through the opening made in the dromos near the enter to the burial camera; 2) a disorder of buried human anatomical skeleton is connected with this re-entry to the camera and is not a result of natural factors; 3) a re-enter to the camera and a disorder of buried human anatomical skeleton were performed before the soft tissues full putrefaction of the corpses (3–5 years after the burial), therefore, it was performed by the representatives of Saltovskiy (Alans) settlement; 4) people, who re-entered the camera were familiar with the arrangement of the cameras and with the deceased, they were not interested in the stuff of the deceased, even those of prestige type (belt suits, golden earrings, etc.); 5) a selectivity in the disorder of the human anatomical skeleton and absence of the interest of those, who re-entered the camera to the burial inventory points the ritualism of the actions performed.

Key words: Verchne-Saltovskiy (Upper Saltovskiy) burial, catacomb burial, a disorder of human anatomical skeleton, Alans, purification of the deceased.

